

DOI: 10.12731/2218-7405-2013-9-98

УДК 329.63

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ МАТРИЦА ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ КВАЗИГЕНДЕРНЫХ ГРУПП КАК ТЕНЕВЫХ СУБЪЕКТОВ В ЛИМИНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В РОССИИ

Швец М.В.

В статье используется в методологическом плане новый политологический концепт «лиминальности» (Л.В. Сморгун, Ф.А. Шебзукова), применяемый для ситуаций, когда властные структуры оказываются в положении частичной утери легитимности и начинающегося процесса легитимации сопротивления власти. В этих условиях в публичное политическое пространство активно включаются акторы, имевшие статус теневых, непубличных, уходивших от любого взаимодействия с официальными властями.

Одним из таких ярких современных примеров, в особенности для российских условий, когда в условиях лиминальности происходит переход из теневой в публичную позицию, выступают квазигендерные группы (ЛГБТ-сообщество). Они представляют современную волну (вторая глобальная волна гендерной эмансипации) и позиционируются на почве защиты своих прав, легализации своих отношений (включая семейные) в гражданском правовом поле.

Автором намечены подходы к объяснению и прогнозированию политического поведения квазигендерных групп, пытающихся перейти из теневых в публичные формы межличностных отношений.

Ключевые слова: необихевиорализм; структурный функционализм; лиминальность; квазигендерные группы; гендерная идентичность; теневые субъекты в политике.

THE RESEARCH MATRIX OF POSITIONING THE QUASIGENDER GROUPS AS SHADOW SUBJECTS IN LIMINAL POLITICAL PROCESSES IN RUSSIA

Shvets M.V.

In the paper a new politological concept of “liminarity” is used in the methological aspect (L.V. Smorgunov, F.A. Shezbukova). It is applied to the situations, when power structures are in the position of losing some legitimacy and the process of legitimation of resisting the authorities begins. In these conditions the public political space is actively joined by the actors with a shadow status, non-public, escaping any contact with the official authorities.

One of such vivid modern examples typical for Russian is quasigender groups (LGBT-community), which appear under liminarity during the transition from the shadow into the public position. They are a modern wave (a second global wave) of gender emancipation, which are grounded on their rights’ defense, legalization of their relations (including family) in the civil legal field.

The author points out approaches to the explanation of the political behavior of quasigender groups, which try to come out of the shadow into the public forms of interpersonal relations.

Key words: neobehaviorism; structural functionalism; liminarity; quasigender groups; gender identity; shadow subjects in politics.

В политической науке существуют различные точки зрения на понимание политических процессов. Одни авторы делают акцент на политической деятельности или политических действиях, другие – на взаимодействии политических субъектов, третьи – на исполнении субъектами своих политических ролей, четвертые – на изменении политической системы или политических отношений [1, с. 436].

Обычно выводы относительно характера и содержания политического процесса делаются на основании того, кого исследователи или аналитики выбирают в качестве основных субъектов взаимодействия. Также имеет значение и то, учитывается ли влияние среды на взаимодействие политических акторов, а если да, то какой (социальной, культурной, экономической, политической) и каким образом.

Применимо к нашему исследованию представляется возможным ориентироваться на методологический подход, сочетающий элементы *необихевиорализма*, где в качестве субъектов политики рассматриваются отдельные индивиды или группы, поэтому политический процесс предстает в виде «результатирующего вектора» поведения, политических волей и интересов субъектов, а политическое поведение трактуется как реакция на «стимулы» окружающей среды и как результат внутренних интенций (устремлений), с элементами *структурного функционализма*.

Структурно-функциональный подход акцентирует внимание не столько на наблюдаемой стороне политического процесса, сколько на внутренних, структурно-функциональных особенностях политической системы и среды, обуславливающих способ и характер социального действия и взаимодействия между политическими акторами. Основное внимание уделяется анализу макроаспекта политического процесса, который трактуется некоторыми представителями данного направления как совокупность реакций политической системы на воздействие окружающей среды в целях формирования решений, приемлемых для ведущих групп интересов [2].

Предложенный подход, основанный на сочетании необихевиорализма и структурного функционализма, исходит из того, что основными акторами политических процессов являются не только политические системы и политические институты (государство, гражданское общество, политические партии и т.д.), но и организованные и неорганизованные группы людей, а также индивиды.

Это позволяет выявить общий характер политической деятельности как целедостижения и дать логически разворачиваемую последовательность взаимодействий между акторами, а также включить в понятие политического процесса общественно-политическую деятельность соответствующих акторов.

В последнее время ряд политологов характеризуют идущие в России политические процессы как *лиминальные*. Подобный подход позволяет дополнить и конкретизировать характеристики российского общества, в котором с различной степенью интенсивности воплощаются социально-политическая неопределенность, отклонение от нормы, казуальность, то есть нарастают энтропийные проявления и процессы.

Так, известный политолог Л.В. Сморгун, выступая на международной научной конференции летом 2012 года с докладом «Сложные сети в публичной политике: политическая мобилизация и лиминальный характер государственной власти», выдвинул тезис, что государственная власть и властные структуры, реализующие публичные услуги обществу, теряют монопольное право на организацию общественного порядка посредством насилия под влиянием расширения практики легитимации сопротивления государственной власти. Понятие «спорная политика» все более явно отражает не отдельные периоды формирования и реализации государственной политики, а всю деятельность государства в целом. В условиях «спорной политики» государственная власть действует на пороге своих традиционных функций, порождая так называемое состояние лиминальной власти [3, с. 398].

Термин «лиминальный» происходит от латинского (*limin*) и обозначает порог, границу, некий проходной коридор, расположенный между двумя различными пространствами. К примеру, философы обращают внимание на то, что в динамике осмысления и смыслообразования наиболее трудным для рефлексии является переход от одной определенности к другой, одного состояния системы в другое, что предполагает некую стадию деструктивности, утраты определенности. Подобные процессы можно характеризовать как лиминальные [4].

В свою очередь, Ф.А. Шебзухова говорит о стадии деструктивности и неопределенности, которая выявляется в контексте осмысления переходных периодов культурных систем. Подобная динамика осмысления характеризуется зарубежными исследователями через понятие лиминальных процессов, а сам термин «лиминальность» употребляется ими в исследованиях ритуалов перехода и изменения. Лиминальны все процессы, протекающие в трансформирующемся обществе, каковым сегодня является постсоветский российский социум, осваивающие вторую стадию лиминальности, т.е. стадию экономических, политических и административных реформ, переоценки ценностей, как и всего образа жизни. Тем самым, по Ф.А. Шебзуховой, практически вся социальная жизнь современного общества выступает как тотальная лиминальность и именно так воспринимается индивидом и социальной общностью [5].

При этом парадигма лиминальности российских политических процессов во многом связана с тем, что в условиях всеобъемлющих социальных и политических перемен и воспроизводства политической реальности все более явно проявляется воздействие «сложной современности».

Обратимся вновь к Л.В. Сморгуну, который, исходя из обстоятельств становления сложного общества и особенностей сложного мышления, раскрывает лиминальность современной властной ситуации в России. Он пишет, что в теоретическом отношении одной из новых парадигм описания сложности выступает *концепция лиминальности*, описывающая такие состояния системы, в ходе которых она меняет свои структурные и функциональные характеристики и свойства на другие, но при этом переход не является завершенным [6, с. 64].

Обосновывая формирование в России последних лет «общего лиминального властного состояния», Л.В. Сморгун исходит из того, что, во-первых, под вопросом оказалась институциональная матрица политического устройства, сформированная российской Конституцией 1993 года; во-вторых, кризис репрезентативной демократии позволяет вести речь о формировании более масштабной и обширной схемы центров политической власти и влияния.

Российские политические процессы во многом связана с тем, что в условиях всеобъемлющих социальных и политических перемен все более явно проявляется воздействие «сложной современности», когда с различной степенью интенсивности в социальной и политической реальности воплощаются социально-политическая неопределенность, отклонение от нормы, имитация, казуальность.

Составной частью подобных перемен стало то, что на волне демократизации и формирования элементов гражданского общества активизировались различные теневые субъекты внутренней политики и общественной жизни, в том числе, сексуальные меньшинства как группы с нетрадиционной гендерной идентичностью, оформившиеся в ЛГБТ-сообщество, которое официально позиционирует себя как социально-культурное движение, стремящееся добиться изменений в обществе, культуре, законодательстве, призванных обеспечить права сексуальных меньшинств.

При этом международный опыт свидетельствует, что национальные и международные гей-сообщества и их лобби все чаще выступают практически как самостоятельная политическая сила, формирующая повестку дня.

В российских условиях, когда проявления политической и общественной активности сексуальными меньшинствами в качестве теневых субъектов становятся все более заметными, а массовое сознание испытывает на себе противоречивые интенции «политкорректности» при сохранении приверженности устоявшимся социальным и нравственным установкам и ценностям, идущим из советского прошлого, тематика сексуальных меньшинств становится частью широкого общественно-политического дискурса, все чаще превращаясь в инструмент политического противостояния.

Само же ЛГБТ-движение в контексте лиминальных политических процессов начинает проявлять себя в качестве самостоятельного теневого субъекта внутренней политики и общественной жизни.

Группы с нетрадиционной гендерной идентичностью как более или менее

выраженные участники политических отношений обретают также статус групп по интересам, то есть общностей (социальных организаций), целью которых является объединение лиц для выражения и защиты каких-либо специальных, конкретных интересов (например, по определенной конкретной проблеме или специфических интересов культурно-обособленной группы).

При этом в России проявления нетерпимости, агрессии и репрессивности в отношении ЛГБТ-движения связаны с тем, что долгое время их «невидимость» и «ущербность» воспринимались, в том числе и ими самими, как что-то само собой разумеющееся. Социальные предубеждения вынуждали представителей ЛГБТ прятаться, приспосабливаться, «уходить в тень». Сама мысль о возможности открытого самовыражения и организованной защиты своих прав и человеческого достоинства казалась им невероятной и невозможной [7, с. 4].

Не являясь на данном этапе социально-политической эволюции политической силой, квазигендерные группы достаточно активно выступают за свои права и стремятся противодействовать распространению гомофобии в обществе. В России это проявляется в меньшей степени, в развитых и демократических странах, в большей. В этом и состоит их статус теневых субъектов политической жизни.

Актуализация научного внимания к феномену групп с нетрадиционной гендерной идентичностью определяется растущим многообразием и усложнением социальных и политических практик, а также определенным снижением инструментальной действенности устоявшихся методов и способов анализа в политической науке [8, с. 225–233].

Применимо к России актуальность исследования определяется тем, что «окончательно свершившимся фактом стало то, чего до сих пор всеми силами старались не допустить: сексуальные меньшинства стали-таки действующим фактором российской политики. Присутствие в российской политике достаточно активного движения, представляющего интересы сексуальных меньшинств, можно считать почти свершившимся фактом. Что в свою очередь, в условиях

практически тотальной политической пассивности населения, может дать весьма нетривиальные результаты» [9]. Однако без учета этого невозможны обновление общественного сознания, формирование толерантности как ценности и подлинная демократизация общества.

Рассмотрение сексуальных меньшинств как социального и политического феномена связано с происходящими социокультурными процессами трансформации интимности в постиндустриальном обществе. В современных демократических обществах толерантность к гомосексуальным, бисексуальным и трансгендерным людям постепенно становится нормой публичного поведения и требованием закона.

В условиях, когда гей-движение обретает политизированный характер [10, с. 79], образцы сексуальности становятся средствами политического манипулирования, а темы сексуальности превращаются в инструменты политической борьбы. Все это также работает на тему квазигендерных групп как теневых субъектов в российской политике.

Одновременно с нарастанием внимания к вопросам политического участия и политического поведения происходит легитимация дискурса гендерных исследований. Гендерная политология развивается в России последние 10-15 лет и ее динамика обуславливается непосредственно «вызовами» социально-политических практик. Необходимость гендерных исследований определяется состоянием «поиска» политической наукой новых подходов, совершенствующих политическую практику, которая уже «обратила внимание» на потенциал гендерного анализа.

В итоге вырисовываются контуры научной проблемы, требующей своего решения в ходе исследования: каким образом происходит утверждение и деятельностное позиционирование групп с нетрадиционной гендерной идентичностью (квазигендерных групп) как теневых субъектов в российских лиминальных политических процессах?

Теоретическое пространство исследования средствами политического

анализа позиционирования квазигендерных групп как теневых субъектов включает два модуля: концептуализация основополагающих понятий; конструирование исследовательской матрицы позиционирования квазигендерных групп как теневых субъектов в лиминальных политических процессах в России. Базисными выступают такие понятия, как «политический процесс», «сексуальные меньшинства как квазигендерные группы», «теневые субъекты политики». Ориентация на методологический подход, сочетающий элементы необихевиорализма и структурного функционализма, позволяет выявить, что основными акторами политического процесса являются не только политические системы и политические институты, но и организованные и неорганизованные группы людей, а также отдельные индивиды. Конструирование матрицы предполагает означивание семантики теневых субъектов как групп интересов и давления, не располагающих возможностями полноценной политической деятельности. Позиционирование квазигендерных групп в качестве теневых субъектов в лиминальных политических процессах ведет к тому, что в координатах подчинения/сопротивления власти и общественному мнению они проявляют себя через постепенное развертывание субъективации в пространстве общественно-политической активности, стараясь тем самым переступить через статус теневых субъектов политики.

Квазигендерные группы и в целом ЛГБТ-движение добиваются изменений в обществе, культуре, законодательстве, призванных обеспечить реализацию прав сексуальных меньшинств, снизить накал гомофобной нетерпимости. Их деятельность нельзя назвать полностью теневой, т.е. «ненаблюдаемой», это скорее «несанкционированная» или «неформальная» деятельность. Однако, не обладая достаточными легитимными ресурсами для оказания воздействия на политические процессы, квазигендерные группы как «наблюдаемые» теневые субъекты, действуют опосредованно – через манифестации, протестные акции, декларации, публикации оказывая воздействие на принятие решений и политику властных структур.

Инкорпорирование квазигендерных групп России в лиминальные политические процессы тесным образом связано с эмансипацией. Эмансипация сексуальных меньшинств, в том числе, через политический активизм и конструирование позитивной идентичности, началась как ответ на политическую и социальную дискриминацию, когда конструировались авторитарно-жесткие границы нормативных гендерных ролей, за представителями сексуальных меньшинств закреплялись негативные характеристики, а в общественном мнении была широко распространена идея о неполноценности и криминализация гомосексуальности. На волне эмансипации начинается инкорпорирование групп с нетрадиционной гендерной идентичностью в политические процессы. Однако в России эти процессы в условиях социально-политической неопределенности приняли лиминальный характер, что накладывает специфику на ход инкорпорирования сексуальных меньшинств, предопределяя их «теневизацию» в качестве субъектов в политических процессах. Эмансипация и вовлечение сексуальных меньшинств в общественно-политическую жизнь идет здесь крайне сложно и противоречиво. Чувствуя себя отверженными социальным порядком, сексуальные меньшинства не способны пока еще объединиться в политически активную силу, выработать позитивное представление о себе как субъектах политического процесса и носителях политической идентичности и тем самым отбросить статус теневых субъектов политики.

Список литературы

1. Волков Ю.Г., Лубский А.В., Награльян А.А. Теоретические основы социологии и политологии. Учебное пособие. М.: Социально-гуманитарные знания, 2011.
2. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа / Отв. ред. Е.Мелешкина. М: Инфра-М; Весь мир, 2001.
3. Обзор конференции // Журнал социологии и социальной антропологии, 2012, Том XV, № 5 (64).

4. Проективный философский словарь. Санкт-Петербург: Международная Кафедра (ЮНЕСКО) по философии и этике СПб Научного Центра РАН. 2002.

5. Шебзухова Ф.А. Ментальные основания толерантности в полиэтническом обществе. Автореф. дисс. ...докт. филос. наук. Ростов н/Д, 2004.

6. Сморгунов Л.В. Сложные сети и демократия в России: новые возможности и ограничения // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань, 2012/ № 3 (32).

7. Положение лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров в Российской Федерации. Последняя четверть 2011 – первая половина 2012. М.: Московская хельсинкская группа, 2012.

8. Швец М.В. Теневые субъекты в современных политических процессах: нестандартная и парадоксальная модели // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2013. № 2.

9. Байков А. Гей-политика и обывление масс // www.apn.ru/, 2006-05-19.

10. Вершинина Д., Горшков А. Эволюция квир-идентичности в Великобритании // Вестник Пермского университета. Вып. 3 (10). История. Пермь, 2009.

References

1. Volkov Ju.G., Lubskij A.V., Nagral'jan A.A. Teoreticheskie osnovy sociologii i politologii. Uchebnoe posobie. [Theoretical bases of sociology and political science]. М.: Social'no-gumanitarnye znaniya, 2011.

2. Politicheskij process: osnovnye aspekty i sposoby analiza [Political process: main aspects and ways of the analysis] / Otv. red. E.Meleshkina. М: Infra-M; Ves' mir, 2001.

3. Obzor konferencii [Conference review] // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii, 2012, Tom XV, № 5 (64).

4. Proektivnyj filosofskij slovar' [Projective philosophical dictionary]. Sankt-

Peterburg: Mezhduna-rodnaja Kafedra (JuNESKO) po filosofii i jetike SPb Nauchnogo Centra RAN. 2002.

5. Shebzuhova F.A. Mental'nye osnovanija tolerantnosti v polijet-nicheskom obshhestve [The mental bases of tolerance in multiethnic society]. Avtoref. diss. ...dokt. filos. nauk. Rostov n/D, 2004.

6. Smorgunov L.V. Slozhnye seti i demokratija v Rossii: novye vozmozhnosti i ogranichenija [Difficult networks and democracy in Russia: new opportunities and restrictions] // Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura. Astrahan', 2012/ № 3 (32).

7. Polozhenie lesbijanok, geev, biseksualov, transgenderov v Rossijskoj Federacii. Poslednjaja chetvert' 2011 – pervaja polovina 2012 [Position of lesbians, gays, bisexuals, transgenders in the Russian Federation. The last quarter 2011 – the first half 2012]. M.: Moskovskaja hel'sinkskaja gruppa, 2012.

8. Shvec M.V. Tenevye sub#ekty v sovremennyh politicheskikh pro-cessah: nestandartnaja i paradoksal'naja modeli [Shadow subjects in modern political processes: non-standard and paradoxical models] // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS. 2013. № 2.

9. Bajkov A. Gej-politika i obydenie mass [Gay policy and obydeniye of masses] // www.apn.ru/, 2006-05-19.

10. Vershinina D., Gorshkov A. Jevoljucija kvir-identichnosti v Veli-kobritanii [Kvir-identity evolution in Great Britain] // Vestnik Permskogo universiteta. Vyp. 3 (10). Istorija. Perm', 2009.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Швец Маргарита Витальевна, аспирант кафедры политологии и этнополитики
Южно-Российский институт-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Ул. Пушкинская, 70, г. Ростов-на-Дону, 344002, Россия

e-mail: dopobr@skags.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Shvets Margarita Vitalievna, post-graduate student of the chair of Political Science and Ethnopolitics

*South institute of Russian academy of national economy and public administration
under the President of the Russian Federation*

Pushkinskaya street, 70, Rostov-on-don, 344002, Russia

e-mail: dopobr@skags.ru

Рецензент:

Лешкевич Т.Г., профессор кафедры философии и методологии науки философского факультета Южного федерального университета, доктор философских наук, профессор